

УДК 82-14

ТРАДИЦИИ ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СИБИРСКИХ АВТОРОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Бахор Т.А., Лобарева В.С., Зырянова О.Н.

Лесосибирский педагогический институт – филиал ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», Лесосибирск, e-mail: tamarales@mail.ru

Выявляются основные тенденции в восприятии традиций поэзии Серебряного века сибирскими поэтами второй половины XX в.: И. Рождественским, К. Лисовским, Р. Солнцевым, В. Белкиным и др. Их герои воплощают исключительные чувства, порожденные событиями, требующими максимального напряжения человеческих сил. Сближает поэтов разных эпох установка на изображение духовного мира человека и мира природы, постичь которые до конца невозможно. У поэтов Серебряного века лирический герой «оголяет» свои страстные чувства. У сибирских авторов лирические герои, безусловно, чувствующие и переживающие так же остро, выражают свои эмоции менее ярко. Им близки оказались изображение символистами города как враждебной человеку силы и представленный у футуристов образ города-сада. Сибирские поэты второй половины XX в. ориентировались не столько на философию деятелей Серебряного века, сколько на достижения художников этой эпохи в поэтическом языке, приемах создания образов, версификации.

Ключевые слова: региональная литература, картина мира, поэзия Серебряного века, традиции, символизм, футуризм, реминисценции

THE TRADITION OF RUSSIAN POETRY OF THE SILVER CENTURY IN THE WORKS OF THE SIBERIAN WRITERS OF THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Bahor T.A., Lobareva V.S., Zyryanova O.N.

*Lesosibirski Pedagogical Institute the agency of Siberian Federal University,
Lesosibirsk, e-mail: tamarales@mail.ru*

Main trends are identified in the reception of traditions of the silver age Siberian poets of the second half of the twentieth century: I. Christmas, C. Lisowski, R. Solnzev, V. Belkin, etc. These characters embody the exceptional feelings generated by events that require maximum tension of human strength. The setting to show the human mind and the natural world, which we can't understand to the end, brings together poets from different eras. The poets of the «Silver Age» lyrical hero «bares» his passionate feelings. Lyrical heroes of the Siberian authors, of course, feels and experiences in strong form express their emotions less bright. They were close to the symbolists image of the city as hostile to man power and which is performed with Futurists image of the city – Garden. Siberian poets of the second half of the twentieth century focused not so much on the figures of the Silver Age philosophy, but on the achievements of artists of this era in poetic language, methods of image creation, diversification.

Keywords: regional literature, image of the world, poetry of the silver age, traditions, symbolism, futurism, reminiscences

Достижения современной литературной регионалистики отражают усилия ученых, сосредоточивших свое внимание на стратегиях художественного поведения писателей и поэтов, связавших свою жизнь и творчество с тем или иным регионом. Справедливо указывая на цитатность, реминисцентность, аллюзивность искусства XX в., филологи единодушны в понимании традиционной культуры как основы художественного творчества. Такой подход к изучению региональной литературы во многом определил педагогические стратегии в преподавании краеведческих дисциплин в вузе и школе [1; 2], что, в свою очередь, способствует воспитанию полноценного реципиента современного искусства, интерпретатора художественных произведений.

Если определять основные тенденции в восприятии произведений красноярских поэтов, то в 1960–1970-х гг. внимание читателей привлекали темы сибирской природы (картины гор, рек, тайги), исторических до-

стопримечательностей, строительства новых городов поселков, освоения месторождений и т.д. Важное место в лирике этих лет занимала тема любви как возможность говорить о глубоко личном, без оглядки на окружающих. В 1960–1980-е гг. в лирику проникают ярко выраженные публицистичность и документальность. В 1990–2000-х гг. поэты, воплощая темы любви, творчества, философского осмысления жизни, избегают социальной направленности своих произведений,

Историко-литературные преемственные связи в развитии общих закономерностей художественного творчества в литературоведении определяются как традиции. В поэзии Серебряного века сибирские авторы второй половины XX в. находили те смысловые доминанты, которые позволили бы им расширить художественное пространство произведения. Так, ощущая свою кровную связь с могучей сибирской природой, на которую наступают стройки,

поэты обращались к творчеству символистов. В лирике В. Брюсова и др. город предстает живым организмом, продолжением живой природы: «Горят электричеством луны // На выгнутых длинных стеблях; // Звенят телеграфные струны // В незримых и нежных руках...» [4].

Брюсовские знаки города оказались близкими Владлену Белкину, который значительную часть своих стихотворений посвятил этой теме: «В фейерверке огней и закатов, // в иступленном круженье колес // полон таинства он и загадок, // дерзких дум и немислимых грез» [3]. Сближают этого красноярского поэта с В. Брюсовым и апокалипсические мотивы, доминирующие в определении города: «Словно сфинкс на земле возлегая, // в язге, песнях, в поту и крови, // простакам напоказ выставляет // мишуру и соблазны свои...» [3].

Демоническое начало в образе города необычно для общепринятого в советское время воспевания «города-сада». Сравнение со сфинксом придает зловещее значение всему образу города, так как вводит мотив смерти, ограниченности человеческого существования, его предопределенности. В. Белкин пытается совместить обе тенденции, что порождает эклектичность и декларативность создаваемого образа города: «Но в зашторенных каменных клетках, // как бессмертье свое бережет, // человеческих душ самоцветы // и неистойвой мысли полет» [3]. Используемые здесь детали («зашторенный», «каменные клетки» и др.) заставляют вспомнить известное стихотворение А. Блока «Фабрика», реминисценции которого помогают В. Белкину воплотить ощущение всеобщей несвободы, охватившее лирического героя. Себя лирический герой Белкина видит блуждающим в лабиринте (восприятие современности через миф характерно также для поэтов символистов): «В лабиринтах бетонных блуждая, // я надежды в себе не гашу: // может, чью-то печаль угадаю, // может, чью-то слезу осушу» [3]. В этом герой В. Белкина также близок герою стихотворения Брюсова: «Как тихие звуки клавира – // Далекое ропоты дня... // О сумерки! Милостью мира// Опять осените меня!» [4].

Если для лирического героя В. Брюсова сумерки – благодатное время творчества, то герою В. Белкина ночью открывается истинная сущность преобразующей человеческой деятельности, разрушающей гармонию сосуществования природы и человека: «И муки не избыть // его тысячелетней...// Той: «Быть или не быть?» // И – «Кем?» // На этом свете [3]. Как видим, и здесь В. Белкин использует прецедентный текст,

чтобы определить координаты существования в мире, в котором общепризнанные ценностные ориентиры подвергаются по этому сомнению.

Наряду с поисками символистами новых образов поэтам Красноярского края близко стремление футуристов обновить поэтический язык. Как известно, они не только обновляли значения слов, но и резко изменили сами отношения между смысловыми опорами текста, а также гораздо энергичнее использовали композиционные и даже графические эффекты. Активно использовалось лексическое обновление, синтаксические смещения и т.д. [5].

По определению А.В. Леденева, слово у футуристов лишалось ореола сакральности и неприкосновенности, оно опредмечивалось, его можно было дробить, переиначивать, создавать новые комбинации морфологических и даже фонетических элементов. Новые эстетические возможности были развиты футуристами в связи с переориентацией многих из них с читаемого на произносимый текст [5].

Поэтом, в произведениях которого четко проявилась тенденция на произносимый текст с его повышенной коммуникативностью, яркой образностью, проповедническим пафосом, афористичностью, эффектным ораторским жестом, был В. Маяковский, во многом определивший вектор развития поэзии XX в. Именно это новаторство футуристов оказалось наиболее востребовано красноярцами И. Рождественским, К. Лисовским, Р. Солнцевым, хотя не стало стилевой константой ни одного из них. Так, прямое влияние В. Маяковского отражено в стихотворении К. Лисовского «Ленин в Красноярске»:

...Казалось, что, плутая, колеся,
Рванулась, тронулась в места глухие
Вся – голая,
вся – нищенская,
вся
Бездомная, бездольная Россия [6].

Публицистичность, четкость, однозначность слова отразились и в других стихотворениях К. Лисовского: «Но там и здесь судьбина нелегка, // Один удел, одно и то же горе:// Гнуть спину // в кабале у кулака, // В таежных топях // умирать от хвори!...» [6].

Все же следует признать, что в творчестве И. Рождественского, К. Лисовского 1960–1970-х гг. подобные эксперименты со стихом единичны.

Наиболее ярко тенденция к экспериментам над строфическим строением текста проявилась позже, в 1970–1980-е гг., что

можно увидеть в творчестве Романа Солнцева. Показательно, что эти эксперименты переходят из текстов общей с Маяковским тематики в произведения пейзажной, любовной, философской лирики. Так в конце 1960-х годов восторг перед гармонией природной жизни становится определяющим во многих стихотворениях Р. Солнцева. Радостное эмоциональное приятие мира героем стихотворения «Снег выпал» (1966) потребовало от поэта адекватных средств выражения.

А снег на земле –
Он и справа и слева.
Сюда выходи!
В этот белый разбой.
В мельканье. В паренье.
Немедленно! Тотчас! [7].

Соответствует эстетике Маяковского и стремление Р. Солнцева прагматично и рационально объяснить и изобразить самые удивительные явления: «Телевышка – до облаков, // как для бумаг проволочная корзина!..» [7]. Это отчетливо проявляется и в увлечении поэта техническими терминами: «Лучей свеченье. Излученье. // Тем излученьем изумленье. // Тех излучений изученье... // И – невозможность излечения!» [7].

У Романа Солнцева нет поэтических рассуждений о том, каковы должны быть тематика и проблематика стихотворений. Мерой истинности поэтического текста оказывается естественность рождения стиха. Может быть, известный рассказ Маяковского о том, как из гула рождаются стихи, косвенно отразился в поэтических рассуждениях Р. Солнцева: «О чем еще // писать стихами, // когда – // ты присмотришь // всерьез – // столбцы стихов // похожи сами // на светлые // стволы // берез?» [7].

Эксперименты с графикой – тоже дань увлечения Маяковским, дробившим привычные строки, но часто сохранявшим классический метр и размер с легко восстанавливаемыми на основе концевых рифм стихотворными строчками. Это же явление находим мы и в процитированном выше стихотворении Солнцева «О чем еще писать стихами...» (1969).

Смена поэтических ориентиров от Маяковского к Есенину в целом характерна для многих сибирских поэтов, обратившихся в зрелые годы к поискам своих корней. Так, призывы сохранить первозданную красоту сибирской природы особенно часто звучат в поэзии Р. Солнцева 1980–2000-х гг. Эта тенденция отчетливо проявляется при сравнении стихотворений общей тематики,

написанных Солнцевым в разные годы. Уже в середине 1960-х годов пейзажные зарисовки Р. Солнцева становятся менее масштабными, менее эпическими, усиливается их лиризм, доверительность интонаций. Поэт подчеркивает присущую природе самодостаточность: «Березовый и чистый, очень зимний, // как пачка «Беломора», мой лесок. // Он наверху, на сопке, сочно-синий, // а здесь он бел и призрачно высок» [7]. По наблюдению лирического героя, тайны природы оказываются недоступными для человека, который, стремясь проникнуть в глубь леса, остается все же ему чужим: «Я, палки опустив, смежив глаза, // Съезжаю наугад, но тем не менее, // расходятся белесые леса, // расходятся березы онемелые» [7]. Эпитет «онемелые» указывает не только на сезонное состояние деревьев, но, может быть, и на их нежелание общаться с человеком. Лирический герой ощущает их существами иного мира (Как привидения, опять они // Смыкаются...»).

Тематически к этому тексту примыкает стихотворение «Идти сквозь зимние леса» (1967 г.): теперь деревья по-иному относятся к человеку, их молчание иное: «Идти сквозь зимние леса <...> // идти, где бредят без конца // березняки о человеке, // как белые библиотеки» [7]. Сравнение лесов с библиотеками позволяет поэту воплотить мысль о мудрости природы, которая может быть постигнута только человеком, благоговейно относящимся к ее тайнам. Теперь герой не стремится постичь скрытые от него тайны природы, сейчас он наслаждается непознаваемым, иррациональным чувством общности с нею: «Бежать и знать, что это счастье – // К бессмертной тишине причастье...» [7]. Постигание природной тайны оказывается теперь чувством причастности к проявлениям ее вечной жизни.

Если пейзажные зарисовки Р. Солнцева близки лирике Есенина не столько в идейно-тематическом аспекте, сколько по поэтическому пафосу, то в бытовых зарисовках Р. Солнцева, посвященных образу матери, мы встречаем конкретные детали – реминисценции есенинских стихотворений аналогичной тематики: «Мать, одна ты в доме этом... // Были сын и дочери две... // Смотришь в окна. // Темный ветер // катит яблоки в траве!» [7].

Таким образом, лирика поэтов Серебряного века стала для писателей Красноярского края прецедентным текстом, позволяющим определить координаты существования человека в сложном развивающемся мире.

Список литературы

1. Бахор Т.А. Изучение поэзии Красноярского края XX века // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2011. – № 8. – С. 80–81.
2. Бахор Т.А., Ковалева О.А., Толкушкина Е.А., Бахмутова Т.В., Заяц М.Н., Колланг Г.В. Изучение пейзажной лирики на уроках литературного краеведения // В мире научных открытий. – 2010. – № 6–2. – С. 76–79.
3. Белкин В. Угол зрения: сборник стихотворений. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1985.
4. Брюсов В. Стихотворения. – М.: Детская литература, 1971.
5. Леденев А.В. Эстетика и художественная практика футуризма // «Серебряный век» русской поэзии: пособие для учителя. – М.: Интерпракс, 1994.
6. Лисовский К.Л. «В краю, что стал моей любовью»: Сборник стихотворений и поэм. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1975.
7. Солнцев Р. Стихи. URL: <http://libverse.ru/solncev/list.html>

References

1. Bahor T.A. Izuchenie poezii Krasnoyarskogo kraya XX veka. Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnyh i fundamentalnyh issledovaniy, 2011, no 8, pp. 80–81.
2. Bahor T.A., Kovaleva O.A., Tolkushkina E.A., Bahmutova T.V., Zayats M.N., Kollang G.V. Izuchenie peyzazhnoy

liрики na urokah literaturnogo kraevedeniya. V mire nauchnykh otkryitiy, 2010, no. 6–2, pp. 76–79.

3. Belkin V. Ugol zreniya: sbornik stihotvoreniy. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1985.
4. Bryusov V. Stihotvoreniya. Moscow, Detskaya literatura, 1971.
5. Ledenev A.V. Estetika i hudozhestvennaya praktika futurizma. «Serebryaniy vek» russkoy poezii: Posobie dlya uchitelya. Moscow, Interpraks, 1994.
6. Lisovskiy K.L. «V krayu, chto stal moyey lyubovyu»: Sbornik stihotvoreniy i poem. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1975.
7. Solntsev R. Stihi. URL: <http://libverse.ru/solncev/list.html>.

Рецензенты:

Евсеева И.В., д.фил.н., доцент, зав. лабораторией теоретической и прикладной лингвистики Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, г. Лесосибирск;
 Шарифуллин Б.Я., д.фил.н., профессор, зав. лабораторией речевой коммуникации Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, г. Лесосибирск.
 Работа поступила в редакцию 31.10.2013.